СНЫ ЧИГИРЯ

Эти «сны», опубликованные на газетных страницах, трудно отнести к чистой журналистике. Они передают не столько факты, сколько ощущения. Здесь и воспоминания о прожитом, где чигирь занимал свое достойное место, и острая боль за то, что наша нынешняя жизнь со всеми ее плюсами, к сожалению, отрицает многое из того, что было дорого. Автор «Снов чигиря» – поэт Александр ФАЙНБЕРГ.
«Правда Востока»,30.9.2003г.

Экоальманах «Просто пишем о среде» (2-й выпуск), 2004г. **Эти «сны», опубликованные на газетных страницах, трудно отнести к чистой журналистике. Они передают не столько факты, сколько ощущения. Здесь и воспоминания о прожитом, где чигирь занимал свое достойное место, и острая боль за то, что наша нынешняя жизнь со всеми ее плюсами, к сожалению, отрицает многое из того, что было дорого. Вода – вечная ценность, но и ее ценность, увы, теряется из-за нашего разгильдяйства. Если журналист, надеясь на экообразование читателя, пытается донести до него объемный фактаж, поэт Александр Файнберг обращается к сердцу.**

Луч полумесяца. Он, чуть подрагивая, льется на дворик, посреди которого стоит айван, а сбоку над арыком вращается деревянное колесо. Чигирь это. Он черпает воду своими большими кружками из широкого арыка. И, падая в наклонные желоба, течет H2O на грядки огородов, на поля по другую сторону дувала. Пьет земля. А глубокой ночью чигирь замирает. И с высокого полумесяца слетают на него сны.

Из бассейна под брызгами городского фонтана… меж валунами бурливой горной речки… на пляжный галечник голубого озера… выбегают они – черноволосый подросток и золотоволосая девочка. И от их распахнутых рук – радуги, радуги, радуги.

Скрип щебня под копытами двух жеребцов и одного мерина. Предгорья Памира. Тропа юного техника-топографа, то бишь моя. В бригаде Энвер и Боря – реечники. В мешках, что поперек седел – овес для лошадей. Ну и на десять суток – сухари и консервы для нас троих. Однако дело не в этом. Дело в том, что в горах ночь наступает мгновенно. И тогда попробуй отыщи хоть один родник на склоне. И вдруг все три лошади, обалдевшие куда больше нас от дневной жажды, рванули к лотку с водой. Три прекрасные морды бухаются в этот каменный лоток, сооруженный опытными горцами. А ведь коням нельзя. Они, разгоряченные подъемом, должны пару часов остывать в седлах с ослабленными подпругами, и лишь потом пей сколько хошь. Но куда там! Глохчут, как скаженные. А что

еще интереснее – мы сами, спрыгнув с седел, глушим эту благословенную воду из лотка. Водопой этот и нам, и лошадям мог выйти крутым боком, да таким, что руководство 32-го топографического отряда массу актов о смерти бригады и коней строчило бы во всевозможные прокуратуры. Но Бог миловал. Обошлось. Мало того, Воробей и Фестиваль – так жеребцов звали – наглотавшись, драку затеяли. Я это руководство 32-го отряда, которое мне – мальчишке – двух жеребцов подсунуло, таким «тихим добрым словом» поминал, что, пожалуй, сам Барков благосклонно на меня глянул бы. Спасибо Боре и Энверу. Они сумели прервать этот бой жеребцов под нашим азиатским полумесяцем. Спальные мешки до пяти часов утра даровали нам забытье. А в пять утра солнышко весело пробудило нас. И все по-новой. Путь до точки – полдня. Работа с теодолитом – десять минут. А до следующей точки – опять полдня. Там – внизу – речка бурливая видна. Только шума ее не слышно. А у нас и у лошадей губы пересохшие. Жажда. Жажда.
Когда через десять суток в лагерь вернулись, первое, что делаем, прочь из седел и мордой в речку. Глотаем. Долго. А глаза в воде откроешь – и, словно речной мираж, смотрят на тебя из воды прекрасные и благодарные этому мгновению… лошади.
Сквозь красивый радужный сон видно все же, как уходит Арал. Давно уже созданы комитеты по спасению погибающего моря. Командировки, суточные, зарплаты… Но скелеты рыб и кораблей остаются скелетами. Трагедия планеты. Правда, один русский мудрец внес смятение в комитеты по спасению моря и на время заставил глубоко задуматься руководство этих организаций. «Надо, – изрек он, – айсберги из Ледовитого океана на вертолетах в аральскую впадину сбрасывать».
Умница. Илья Муромец. Проснулся. Анастезия, милая, родная, где ты? Усыпи его еще лет на восемьсот.
Давным-давно мама повела меня на фильм с названием «Тринадцать». Как я мог предположить, что эта лента определит с четырнадцати до девятнадцати лет ход моей единственной жизни? Скачут по экрану красноармейцы, басмачей в пустыне отлавливают. А я-то здесь при чем? Пустыня Кызылкум напомнила мне, что не зря я в детстве кино про воду смотрел.
Там, за радугами в руках двух подростков колеблется марево пустыни.
Нариман Саидгараев, Толик Слученков, Илюша Цой, ну и я с ними, двигаем по красным пескам. Пить – умираем. И вдруг под барханом, над которым уходит в знойное небо деревянная вышка триангуляционного пункта, – колодец. Причем – не высохший. Счастье! Крутим рукоять. Ведро внизу шлепается о воду. Глаза наши светлеют. Скрипит ворот. Цепь позвякивает. И вот оно – желанное мятое ведро. А в нем вода. Но все мы отшатнулись от жуткого запаха гнили. Да в такую воду и руки опускать страшно. Само дыхание могил древнего мазара, что неподалеку, наполняет мятое ведро.
А с неба +50, да и от песка +70. Но как спасение возникает в мареве небольшой оазис с пасущейся отарой и юрта.
— Ака, сув борми?
— Ё…
Мы умираем. А чабан спокойно говорит:
— Айран бор.
Из-под земли за юртой возникает бурдюк с почти ледяным айраном. В касушки булькает спасение. И мы припадает губами к нему, немыслимому и вожделенному. А чабан ничего не требует взамен, он смотрит на выбегающих из юрты детишек, и я изумленно таращу глаза. Ну представьте – черноволосые девочки, беловолосые мальчики. А потом – жена его. Немка. Ахнуть можно. Я и ахнул.
Однако кто он сам был по национальности – не знаю. Может, узбек, может, кыргыз, может,

казах, может… Кто его ведает. Но айран, айран… Он оживил нас. И мне, тогда семнадцатилетнему, запала в сердце доброта людская. Низкий поклон тебе, чабан!
Многопланова проблема воды. Ох, многопланова! В ней порой точно в зеркале отражаются души людские.
Один мой знакомый, считающий себя великим поэтом, в пору «железного занавеса» гулял по праву комсомольского работника по разным странам. И вот катит он в туристическом автобусе к Адриатике. А надо сказать, что поэт этот по профессии врачом был. Ну прям Чехов, понимаете? И вдруг у одной из туристок приступ. Причины его я не знаю. Но знаю то, что для спасения вода ей нужна была. Ни у кого ни капли. Водитель по газам. На полную катушку. Ведь умрет же. Успел парень, слава Богу. Югославы деревенские воду приволокли. Короче, откачали женщину. Ну пилит автобус дальше по маршруту. Мой знакомый – поэт и врач – достает из своей сумки бутылку и, сбив пробку, спокойно глотает кока-колу. Весь автобус зенки на него вылупил и замер. Кто-то один очнулся раньше всех и сказал:
— Ну ты и сволочь…
— Так ведь воду же просили, – на голубом глазу ответил врач-поэт.
Вот вам и H2O! Вот вам и клятва Гиппократа! Вот вам и мера, так сказать, совести! А ведь действительно мера. Не из-за презрения ли к ней – к этой мере – переполнен разноязыкий эфир тревожными голосами дикторов радио и телевидения? Не оттого ли стегают нас по глазам трагические фоторепортажи газет и журналов?
«Наводнение в Китае… Эвакуируются…»
«Горит тайга…»
«В Ставрополье наводнение… Колодцы занесло илом… Пить нечего»…
Ни слушать, ни смотреть невозможно. В Сибири – Венеция. Гондолы с очумевшими от страха мычащими коровами. Ау, Америка, ООН, Европа, Индия – мир мой бешеный! Мир с терактами, насильниками, миллиардерами, нищими, шоубандитами.
Дурдом ты мой! Планета моя родная! Это как же мы нагрешили, что такие наказания? Тонут города, а леса Твои, Господи, в огне, который гасить нечем. Спецсамолетов не хватает. Да что ж это? Но стоп. Какое я имею право Всевышнего тревожить? Может, пора и мне, и тебе, и всем нам мозгами пошевелить, дабы понять, что нельзя плевать в дарованный небесами колодец? Работать надо, а не воевать. Ведь неровен час – и всем кранты. И тебе, и мне, и даже главам религиозных конфессий и правительств земных. Вон они – нефтью изгаженные моря, дельфины, выбрасывающиеся на побережья из радиоактивных волн, кислотные дожди. И все это из-за нас – людей. Вот и бунтует вода, то уходя из рек и морей, то набрасываясь на города и села.
Левый борт ударил по светилам.
Правый – аж до палубы просел.
Там, где двое за ножи схватились,
Качка начинается для всех.
Борт на борт. Компасы перебиты.
Жизни рубим, что канаты рвем.
Вспомнили мы кровные обиды,
Но забыли, сколько под килём.
Нас несет ветрище на кораллы.
Глотку мне распарывает крик:
— Что ж мы, братцы, гробим свой кораблик?!
Он еще сгодится для других.
А кораблик носом роет ямы.

Палуба уходит под волну.
И вопит на мачте обезьяна,
Лапою хватаясь за луну.
Я ору, но сам себя не слышу.
На канаты схаркиваю кровь.
Боже правый! Неужели крышка?
Образумь нас, Боже! Не накрой!
Ты ведь говорил, что люди – братья.
Не твори, учил, на свете зло.
То-то на кровавой рукояти
Пальцы мне до судорог свело.
Улетают к звездам наши трапы.
Плачь, скорлупка! Плачь, родимый дом!
Все безбожней между нами драка.
Все смертельней волны за бортом.
Парусину в небесах мотает.
Мечется без кормчего штурвал.
Кровушка ты наша золотая.
Безрассудство наше наповал.

Что поражает, когда в дикой природе наступает время страшной засухи, к сохранившимся речкам одновременно склоняются и гепарды, и львы, и тигры, и – что главное – антилопы. Никто из этих антилоп не убегает, и никто из хищников не нападает на них. Вода в эту пору примиряет всех. Нормально, да? Так неужели нам, людям, страшная всеземная сушь нужна, чтобы помириться? Или второй Потоп?

Вода… Помню почти все, что с ней связано. Оттого и шлю своему однополчанину письмо, и малюю на конверте радуги, что чигирю моему снятся.

«Дорогой Юра! Дорогой Будасов! Жив ли ты, любимый мой кавказец – знаток английского языка и мастер игры на аккордеоне? Не знаю, дойдут ли в твой Пятигорск эти строки. Разве что по межзвездным мостам? Слушай, я тут нынче на воде круги рисую, вот и вспомнил два жутких и благословенных дня. Один, когда мы – солдатики срочной службы – под февральским снежком с парнями из дорожно-мостовой роты понтонный мост через таджикскую речку Кафирниган наводили. А второй, это когда на учениях в туркменских песках совковыми лопатами песок этот в знойное небо кидали. Это для того, чтобы в огромную яму к 14.00 не менее огромный резиновый бассейн уложить. Дабы потом из авторефрижераторов в это безобразие холодная вода для купания и плавания крупнозвездного командира булькала. И ведь булькала. И кейфовал дженераль в этом H2O. Мы тогда – помнишь? – скинулись по месячной солдатской зарплате нашей в три рубля каждая да и накупили лимонада и пива в палаточном офицерском буфете. Потом во фляжках это теплое пойло перемешали и через соломинки потягивали. Коктейлю сему имя определили «Удел нищих». Ну что ж, тяжело в учении, легко в бою.

Ты это помнишь, Юра Будасов? Жив ли ты, друг мой армейский?»

Нет, не огромная Сахара на Африканском континенте видится мне сквозь семицветье радуг. А видится мне маленькая страна. Я через давних предков имею с ней нечто общее. Дальнее, правда, древнее. Израиль называется. Не буду о сухом известняке пустыни, из которого на поту и крови людской взошла зелень трав и пальм, сосновые массивы на склонах гор и мандариновые сады. Правда, одна эмигрантка с Киеву двинула коренным:

— Ваш Моисей (дальнейшее не употребляю) сорок лет вас по пустыне таскал. Нет того, чтобы на землю Кувейта, где нефти навалом, приволочь, так он сюда…

Ништяк юмор, да? А кто тебя, дивчина, звал с самостийной благословенной Украйны на бедственную Святую? А впрочем, я не о том – об H2O. Три моря вокруг страны, что по площади едва до Ташкентской области дотягивает. Но моря-то – соленые. А за опреснители платить дороже, чем у Турции пресную воду закупать. Дождевые баки – над каждым домом. Капли ловят. Единственное пресное озеро – Кинерет – ждет снега и дождей. По всей стране унитазы, извините, две ручки имеют. Одна мало воды сливает, другая больше. И, конечно же, – счетчики. Я уж не говорю о капельном поливе полей. Кстати, тот, кто его придумал, раньше в Ташкенте жил. Но, кроме него, здесь жили и советские чиновники, которые его предложение в море бумаг утопили. Вот и рванул он отсюда, чтобы наследники тех чиновников у страны с Ближнего Востока закупали технологию капельного полива за счет рядовых налогоплательщиков, к которым я и себя причисляю.
А что, чигирь? Разве это не так?
Не отвечает чигирь. Сны смотрит радужные.
Ниагара! Вот где воды навалом! Арктика, Антарктида! Льда – хоть чем ешь.
А я помню, как сносят после землетрясения кинотеатр «Молодая гвардия». Это нечто! Сперва слетают плюшевые гардины с рекламных витрин. И на мой пыльный в те дни Ташкент глядят из витрин утаенные на всякий случай бюсты Сталина. Маленькие. Штук сто. Но вокруг большого. И на что же они глядят? Да на землю, где арыки пересохли от природной беды нашей. А из-под земли этой пробиваются из-за безводья пустых арыков упругие ростки суровой верблюжьей колючки. Где живем? Так что «Вода – это жизнь» – не крикливый лозунг, а тихая, но истинная правда.
Ведь мы из когда-то чистейшего Салара камышовыми удочками серебристых маринок вылавливали. Рыбка такая была. Это я для молодежи говорю, которая по нечаянности, быть может, прочтет эти строки. Была, была в Саларе эта рыбка. Да и Салар был. А арыки, из которых мы, разгоряченные после футбола, воду хлебали? И ведь даже без бетонных русел чисты были эти арыки и прозрачны, как родники. И маленькие-маленькие рыбешки разлетались в стороны, когда студили мы свои лица в арычной воде. Каждой весной все выходили чистить эти арыки. С лопатами простыми и совковыми, с кетменями. Никто не заставлял, не призывал. Сами.
Осталось немного… Осталось немного…
На небо взглянуть и расстаться с дорогой.
В пылающей роще, забыв про обиды,
Куста не ломая, коснуться рябины.
Осталось понять, вспоминая утраты,
Что так же страдают деревья и травы.
Студеный родник… Он горит, как икона.
Чеканные листья на дне родниковом.
Осталось услышать закатную птицу.
Пред ясной водой на колени склониться.
Осталось понять, что настала усталость.
Как много осталось… Как много осталось…
Кончились радужные сны чигиря. Пора за дело. Медленно начинает вращаться проснувшееся колесо. И словно остатки снов падают на деревянный желоб капли. Все еще радужные.
Прозрачные крылья стрекоз. Они замирают над береговой осокой. А вода течет по широкому арыку. Дай Бог, чтоб всегда. И чтоб стояли у чигиря мальчик и девочка.
— Не могу, – говорит мой молодой друг. – Не могу шланг на кран водопровода натягивать.

Вон арык. Бултыхаюсь с ведром и поливаю свои грядки. А вообще-то надо чигирек смастырить.
Потом, помолчав, вздохнул:
— Была бы вода…
И напоследок:
— Ненавижу, когда из неисправного крана бесполезно H2O капает. В безвестность. В никуда.
Александр ФАЙНБЕРГ
«Правда Востока»,30.9.2003г.
Экоальманах «Просто пишем о среде» (2-й выпуск), 2004г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

08.04.2009